

фовъ, а «простыхъ, добрыхъ и порядочныхъ людей», дѣлая каждый разъ какъ бы намѣренно эту оговорку, подчеркивая свой теперешій взглядъ на истинное *somme il faut*. (Въ этомъ же смыслѣ Тургеневъ называлъ Донъ-Кихота образцемъ настоящаго *djентльмена*, такъ какъ «простота и спокойствіе обращенія служатъ отличительнымъ признакомъ такъ называемаго порядочнаго человѣка, ибо они происходятъ отъ отсутствія самолюбія (не самолюбія)» \*) Гамлетъ же, при всей своей наружной комилѣфотности, культъ позы—представляется ему «*ayant des airs de parvenu*» (\*\*), такъ какъ онъ тревоженъ, иногда даже грубъ и т. д.).

Понятно теперь, почему представляется гр. Толстому гибельнымъ, причинившимъ столько хлопотъ въ жизни его или героя его этотъ ложный принципъ *somme il faut*, привитый ему воспитаніемъ и обществомъ. Дѣйствительно, тяжело, должно быть, было съ такими понятіями и «подраздѣленіями людей», сходиться съ представителями комилѣфотности естественной, не знающей дѣленія людей по степени правильности произносимаго ими французскаго языка! Впослѣдствіи герои нашъ пойметъ это и будетъ страдать невыразимо отъ тщетныхъ усилій пересоздать себя, отъ невозможности сойтись ни съ простыми людьми, ни съ университетскою учащеюся молодежью... На сколько туго будетъ идти въ немъ процессъ этого перевоспитанія себя, видно уже изъ того, что лишь искреннимъ *Левинимъ*, онъ почувствуетъ всю фальшь полученнаго имъ эстетическаго тепличнаго воспитанія. (\*\*\*)

\*) «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ», соч. I т.

\*\*\*) проходимцемъ.

\*\*\*\*) «Гостя у Долли Облонской и подслушавъ какъ она объясняется со своими дѣтьми по французски, Левинъ подумалъ: «И для чего это? какъ это неестественно и фальшиво! Выучить по французски и *отучить отъ искренности!*»... Замѣчательно также, что Иртеньевъ, именно одновременно съ усиліями своими завоевать себя истинное *somme il faut*, начинаетъ падать нравственно, пренебрегая всеми своими прежними «правилами». Такъ, за ча